

Н.Н. ГОРДЕЙ

ТЕОРИЯ ЧЕРЕДОВАНИЙ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ МОРФОНОЛОГИИ

... Нет ничего вечного в области форм...
И.А. Бодуэн де Куртенэ

Сведены воедино и представлены в их логической связи основные положения теории фонетических чередований И.А. Бодуэна де Куртенэ, изложенные им в статье «Опыт теории фонетических альтернатив», а также в работах «Введение в языковедение», «О связи фонетических представлений с представлениями морфологическими, синтаксическими и семасиологическими», «Фонетические законы», «Фонология».

The basic tenets of I.A. Baudouin de Courtené's theory of phonetic alterations set forth in his article «An Experience of the Theory of Phonetic Alterations» and in his works «An Introduction to the Theory of Language», «On the Correlation Between Phonetic, Morphological, Syntactical and Semasiological Representations», «Phonetic Rules», «Phonology» are put together and represented in their logical correlations.

В историю лингвистики И.А. Бодуэн де Куртенэ вошел как основатель теории фонетических чередований, предвестник теоретической фонологии и морфонологии. В 1893 г. на польском языке, а затем в 1895 г. на немецком была опубликована одна из фундаментальных для новейшей лингвистики работ Бодуэна де Куртенэ – «Опыт теории фонетических альтернатив». В этой статье описаны многообразные связи между фонологической и морфологической системами языка, определены причины, результаты и последовательность фонетических изменений, раскрыто содержание «...самого элементарного и благодаря этому самого основного лингвистического понятия, каковым является понятие чередования» (Дорошевский 1963 I, 24). Рассмотрим главные положения теории фонетических альтернатив Бодуэна де Куртенэ и, по возможности, зафиксируем отражение его идей в современной морфонологии.

Фактически основой теории альтернатив Бодуэна де Куртенэ стало явление формального варьирования морфемы как семасиологически неделимой единицы (Ильина 1980, 7). Любое формальное (фонетическое) варьирование морфемы возникает на физиологической (по Бодуэну, антропофонической) почве: процессы аккомодации и ассимиляции приводят к варьированию в речи «психически единой фонемы» – к **фонетической дивергенции**. Определяясь только физиологическими условиями, фонетические дивергенции происходят независимо от морфемы. Именно поэтому они не осознаются ни говорящими, ни слушающими, не имеют никакого функционального, а значит языкового, значения. Однако именно в морфеме фонетические дивергенции получают статус лингвистического явления. Бодуэн де Куртенэ выявил фонетические дивергенции, сравнив этимологически и семантически родственные морфемы. Фонетические дивергенции, обнаруженные в родственных морфемах, языковед назвал **неофонетическими альтернативами**. В современной терминологии, например, Московской фонологической школы неофонетические альтернативы есть не что иное, как чередования позиционно обусловленных вариантов и вариаций фонемы. В области неофонетических альтернатив Бодуэн де Куртенэ различал: 1) «альтернативы, результаты которых определяются без труда, но которые еще не воспринимаются бессознательно или в состоянии бесконечно малой осознанности», например, русск. [а] – [а'] в *брата* – *брате*; 2) «альтернативы, которые воспринимаются не только сознательно, но также и бессознательно», например, русск. [т] – [д'] в *сватать* – *свадьба*. Сравнение этимологически родственных морфем давало Бодуэну де Куртенэ основания не только определить неофонетические альтернативы, или иначе дивергенты, но и объединить их в одну языковую единицу – фонему, что и явилось выдающимся достижением его лингвистической мысли. Выделение фонем, таким образом, определялось тождеством морфемы, взглядом «сверху вниз» (с более высокого морфологического уровня) на звуковую систему языка.

Позиционно обусловленные различия между разновидностями одной и той же фонемы внутри этимологически родственных морфем постепенно усилива-

ются сначала под влиянием тех же условий, которые дали первый импульс к появлению минимальных различий. Такого рода изменения фонемы Бодуэн де Куртенэ назвал **комбинаторными**. Затем, измененные и усложненные новыми элементами, вошедшими в их структуру, фонемы начинают сами по себе, спонтанно, развиваться в определенном направлении. «В сочетаниях *ке, ки...* фонема *к*, — замечает Бодуэн де Куртенэ, — может подвергнуться смягчающему влиянию фонем *е* и *и*, но, став среднеязычным, или “мягким”, *к* начинает уже само по себе, как *к'* “мягкое”, перерождаться в переднеязычном направлении к *ч* или *ц*» (Бодуэн де Куртенэ 1963 I, 361). В результате первоначально позиционно обусловленные звуковые единицы (разновидности одной фонемы) становятся по отношению друг к другу позиционно необусловленными, т. е. разными фонемами, и определяемая фонетическими условиями альтернация становится независимой от этих условий, или **палеофонетической альтернативой**.

Возникает вопрос: на каком основании и когда можно утверждать, что разновидности одной фонемы стали разными фонемами? Ответ на него дал Л.В. Щерба, показавший, что наблюдаемые звуковые различия создают разные фонетические единицы тогда, когда приобретают смысловоразличительную силу. Учение Л.В. Щербы о различительной функции фонем является продолжением учения Бодуэна де Куртенэ об отождествляющей функции данной единицы языка. Бодуэн де Куртенэ сразу воспринял идеи Щербы, указав в четвертом издании своего «Введения в языковедение» на семасиологическое различие слов типа *кора* — *гора*, *суд* — *зуд*, *пал* — *бал* как условие семасиологизации фонетических представлений [к] и [г], [с] и [з], [п] и [б].

Дистинктивная функция звуковой единицы является показателем ее фонематичности и в концепции МФШ. Для обозначения фонематичности звуковых единиц здесь вводятся понятия “сильная фонема” и “слабая фонема”. Сильная фонема различает звуковую оболочку не только словоформы, но и морфемы, которая входит в состав данной словоформы. Слабая фонема, различая звуковую оболочку словоформ, в то же время может не различать морфемы, так как слабая фонема всегда является эквивалентом двух или нескольких фонем.

Функциональная нагрузка фонем не является раз и навсегда данной, а это значит, что фонематичность звуковых единиц находится в постоянной динамике. Если сравнить, например, противопоставление в русском языке [б] и [п], с одной стороны, и [п] и [п'] — с другой, то окажется, что число слов, различаемых посредством первого из этих противопоставлений, очень велико, тогда как слова, различаемые посредством второго, очень немногочисленны. Малая функциональная нагрузка второго противопоставления делает его менее четким и устойчивым. Еще слабее противопоставление по твердости-мягкости у заднеязычных. Именно постоянные колебания функциональной (по Бодуэну, «морфологической» и «семасиологической») значимости фонологических единиц привели впоследствии Р.И. Аванесова к выводу об условности любого выделения и подсчета фонем в системе языка (Ахманова 1966, 24).

Прекращение зависимости звуковой единицы от позиции в морфеме и «семасиологизация» ее в том виде, какого она достигла под влиянием этой позиции, приводят к образованию двух и более фонем из одной фонемы, например, <к> — <к'> — <ч>, <ц> ← <к>; <г> — <г'> — <ж>, <з> ← <г>; <х> — <х'> — <ш>, <с> ← <х>, в истории фонологической системы русского языка. Бодуэн де Куртенэ замечает, что в истории всех языков прослеживается постоянное направление изменений (основанное на перенесении фонационных, или произносительных, функций снизу вверх и сзади вперед) к палеофонетическим альтернациям и разрушению тождества морфемы на дифференциальном уровне языка.

Однако на семантическом уровне тождество морфемы сохраняется. Именно этот факт привел последователей Бодуэна к выделению единицы более абстрактной, нежели фонема, — **морфемы**. Правда, мысль о существовании такой единицы, связывающей фонологию и морфологию, высказывалась и самим Бодуэном де Куртенэ. В четвертом издании «Введения в языковедение» он писал: «...с точки зрения ассоциаций с семасиологическими и морфологическими представлениями, с точки зрения семасиологизации и морфологизации, с точки

зрения альтернатив, с точки зрения этимологии в области одного и того же мышления в русском языковом мышлении имеются три фонемы ж:

{ж – г} / напр., могу – може-

{ж – з'и} / напр., вожу – вози-

{ж – д'и} / напр., вожу – води-».

Первой с хронологической точки зрения разновидностью палеофонетических альтернатив являются **традиционные альтернативы**. Фонетические причины традиционных альтернатив лежат в прошлом языка и могут быть открыты только с помощью историко-лингвистических исследований. Альтернирующие единицы в данном случае являются позиционно независимыми, т. е. отдельными фонемами. Причиной альтернативы с точки зрения синхронии может считаться только традиция.

Альтернативы, не поддерживаемые ни фонетическими, ни какими-либо другими условиями, кроме традиции, обнаруживают постоянную тенденцию к исчезновению. Устранение традиционных альтернатив происходит тремя способами: 1) выравнивается фонетический вид альтернирующих морфем (это явление Бодуэн де Куртенэ называл прогибитивной аналогией); 2) семантически дифференцируются родственные морфемы, в результате чего разрушается этимологическая связь слов; 3) фонетические различия начинают использоваться в связи с морфологическими различиями и возникает вторая разновидность палеофонетических альтернатив – **психофонетические альтернативы**, или **корреляции**.

На этой ступени развития альтернативных отношений гомогенные фонемы (возникшие из некогда единой фонемы) играют в морфологии такую же роль, как и аффиксы: они служат для различения морфологических категорий. «Альтернативы этого рода как одно из морфологических средств, стоящее наравне со всякого рода словообразовательными и флективными средствами (добавлением окончаний, суффиксов, префиксов и т. п.), относятся уже собственно к морфологии, а не фонетике» (Бодуэн де Куртенэ 1963 I, 360). Введение в научное употребление понятия «психофонетическая альтернатива», раскрытие лингвистической природы и функции психофонетического альтернирования обязательно и уважительно рассматриваются лингвистами-морфонологами как несомненная научная заслуга Бодуэна де Куртенэ (Реформатский 1955, 94; Ильина 1980, 7–8; Кубрякова, Панкрац 1983, 8; Толстая 1988, 9). Именно понятие психофонетической альтернативы стало точкой опоры для морфонологии как новой лингвистической дисциплины, а выявление таких альтернатив – одной из ее задач (Трубецкой 1967, 115–119).

Однако Бодуэн де Куртенэ отмечает, что ассоциироваться с грамматическими значениями могут не только фонемы, являющиеся членами корреляций, но и звуковые единицы, составляющие дивергентные пары: «Ослабление согласной и ее зависимость от условий произношения (*vut* – *vut-k-a*) – это, собственно говоря, проявление чисто фонетической необходимости, но не подлежит сомнению, что, повторяясь в целой группе слов, оно ассоциируется с представлением структуры определенных форм, то есть морфологизируется» (Бодуэн де Куртенэ 1963 II, 166). Указанное замечание Бодуэна де Куртенэ также имеет логическое развитие в современной морфонологии, в частности, в определении ее предмета: «...исключение из нее (морфонологии. – Н. Г.) позиционно-обусловленных чередований никак нельзя считать оправданным» (Толстая 1971, 38–39); «...чисто фонологические явления могут быть значимыми на морфонологическом уровне, и морфонологическое описание не вправе ими пренебрегать» (Толстая 1998, 194); «...автоматические чередования принадлежат морфонологии как один из источников алломорфии» (Касевич 1986, 20–21).

В историческом плане корреляции – это всегда переходная стадия от традиционных альтернатив к тем же традиционным альтернативам. Корреляция возникает только вследствие использования альтернативных различий в морфологических целях. Но это использование, хотя оно и может повторяться в ряде поколений, в конце концов прекращается. Одновременно с его прекращением соответствующая корреляция становится обычной традиционной альтернативой.

«Такие рудиментарные корреляции можно было бы сравнить с потухшими вулканами», – пишет Бодуэн де Куртенэ. Итак, в языке существует довольно большое количество таких альтернатив, которые передаются только по традиции, и их количество, с одной стороны, постоянно уменьшается, а с другой – постоянно растет не только за счет бывших дивергенций, но и за счет бывших корреляций. Ни один из периодов языковой жизни не знает полного отсутствия альтернатив. Как же это можно объяснить? В каждом языковом состоянии происходят какие-нибудь аккомодации фонем к артикуляционным условиям, а затем результаты этих аккомодаций переходят традиционно от поколения к поколению пока, наконец, результаты работ, произведенных в прошлые периоды, не будут устранены новыми изменениями. «Единообразие и чистота языка представляют собой лишь фикцию и предрассудок, – замечает Бодуэн де Куртенэ. – Язык не родился внезапно, как родилась Минерва из головы Юпитера, но он создавался и непрерывно создается... Отсюда с очевидностью следует, что жизни языка – как в головах отдельных людей, так и в языковом общении – свойственны постоянные колебания, качественная вариативность и количественная растяжимость» (Бодуэн де Куртенэ 1963 II, 201).

Теория фонетических альтернатив Бодуэна де Куртенэ имеет также сравнительно-типологический аспект. Более того, эта теория «открыла... новые возможности для исторического и сравнительного анализа» (Топоров 1960, 36). Сам Бодуэн де Куртенэ подчеркивал во «Введении в языковедение», что «...вся сравнительная грамматика и всякие этимологические сближения были бы совершенно невозможны, если бы они не покоились на предположении морфологизации и семасиологизации фонем» (Бодуэн де Куртенэ 1963 I, 163–164).

Межъязыковые морфемные соответствия Бодуэн де Куртенэ назвал **корреспонденциями** и указал на отличие корреспонденции фонем от внутриязыковой альтернативы фонем. Корреспондирующие морфемы, как и альтернирующие, происходят из одного и того же исторического источника. Но если при альтернативах можно обнаружить изменения фонемы, не зависящие от принадлежности данной фонемы к составу той или иной морфемы (фонетические дивергенции), то корреспонденция фонем зависит исключительно от корреспонденции морфем, т. е. фонологические соответствия в разных языках можно обнаружить только на морфологическом уровне. «Говоря о родстве славянского *z* с литовским *ž*, германским *g*, латинским *h*, греческим *χ*, др.-инд. *h*, мы мыслим не абсолютное родство этих фонем в полной независимости от морфем, в которых они встречаются, а только лишь относительное родство этих фонем в определенной группе морфем», – замечает Бодуэн де Куртенэ. В случае близкого родства языков корреспонденции способствуют возникновению традиционных альтернатив и корреляций в одном из них. При этом условие именно близкого родства языков оказывается совершенно необходимым. Без этого условия не может быть в двух языках достаточного количества морфем, «...чтобы в случае заимствования из одного языка в другой развить в заимствующем языковом сообществе чувство прочного соответствия, а это чувство безусловно необходимо для узнавания той или иной альтернативы», – пишет Бодуэн де Куртенэ (Бодуэн де Куртенэ 1963 I, 314).

Альтернативы, возникшие под влиянием другого языка, могут быть двух видов: 1) заимствованы оба альтернанта, составляющие данную альтернативу; 2) заимствован только один альтернант, другой же принадлежит данному языку. В связи с этим причины как фонетических и неофонетических дивергенций, так и преобразований дивергенций в традиционные альтернативы и корреляции следует искать не в том языке, где данные альтернативы присутствуют, а либо целиком в одном из родственных языков (именно в том, у которого заимствована эта альтернатива), либо наполовину в заимствующем языке, а наполовину в том, у которого был заимствован один из членов альтернативы.

Итак, чередования фонем в морфемах Бодуэн де Куртенэ разделяет на неофонетические альтернативы, или дивергенции (позиционно обусловленные), и палеофонетические альтернативы (позиционно необусловленные). Палеофонетические альтернативы подразделяются на традиционные альтернативы и психо-

фонетические альтернации, или корреляции. Корреляции связываются с определенным грамматическим значением, являются морфологическим средством и потому относятся в область морфологии. Логическим продолжением и творческим развитием этой идеи Бодуэна де Куртенэ явилось осознание необходимости выделить морфологию, или теорию чередований, в отдельную дисциплину и признать ее связь с фонологией, с одной стороны, и морфологией – с другой. Добавим к сказанному, что в новейшей лингвистике неоднократно подчеркивалась мысль о том, что типы, функции и распределение по грамматическим категориям альтернаций фонем в морфемах являются значимыми для типологической характеристики языков (Гринберг 1963; Станкевич 1966; Кубрякова, Панкрац 1983), как и мысль о том, что типологические исследования морфологии, в частности славянских языков, еще впереди (Толстая 1998, 264).

Теория фонетических альтернаций была воспринята современниками Бодуэна де Куртенэ «...как лучшее из того, что было создано в XIX веке в области фонологии» (Топоров 1960, 36). Ее основные положения оказались чрезвычайно перспективными для разработки фонологической и морфологической проблематики в различных лингвистических школах XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О.С. Фонология, морфология, морфология. М., 1966.
 Бодуэн де Куртенэ И.А. Введение в языковедение. 1913/1914 уч. год.
 Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963.
 Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике: Сб. тр. М., 1963. Вып. 3.
 Дорошевский В. Об И.А. Бодуэне де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 24.
 Ильина Н.Е. Морфология глагола в современном русском языке. М., 1980.
 Касевич В.Б. Морфология. Л., 1986.
 Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Морфология в описании языков. М., 1983.
 Реформатский А.А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 92–112.
 Толстая С.М. О некоторых трудностях морфологического описания // Вопросы языкознания. 1971. № 1. С. 38–42.
 Толстая С.М. Морфология в структуре славянских языков. М., 1998.
 Топоров В.Н. И.А. Бодуэн де Куртенэ и развитие фонологии // И.А. Бодуэн де Куртенэ. М., 1960. С. 3–36.
 Трубецкой Н.С. Некоторые соображения относительно морфологии / Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 115–119.
 Stankiewicz E. Slavic morphophonemics in its typological and diachronic aspects // Current trends in linguistics. The Hague – Paris, Mouton, 1966. Vol. 3.

Поступила в редакцию 20.10.2004.

Наталья Николаевна Гордей – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

А.У. КУЗЬМИНА

КАТЭГОРЫЯ ТРЫВАННЯ І ТЫПАЛОГІЯ ДЗЕЯСЛОВАЎ У БЕЛАРУСКОЙ МОВЕ

Рассматриваются наиболее сложные и спорные вопросы, касающиеся трактовки аспектологических терминов парные, одновидовые (непарные) и двухвидовые глаголы. Предлагается классификация глаголов, позволяющая в некоторой степени преодолеть недостатки традиционной типологии, делящей их на парные, одновидовые (непарные) и двухвидовые глаголы, а также уточнить трактовку названных аспектологических понятий.

The more complicated and disputable issues concerning the treatment of such aspectual terms as paired, one-aspect (unpaired) and two-aspect verbs, are discussed. A verb classification that allows to some extent to overcome shortcomings of the traditional typology dividing verbs into paired, one-aspect (unpaired) and two-aspect verbs and to define the treatment of these aspectual concepts more specifically, is suggested.

У лінгвістычнай літаратуры звычайна выкарыстоўваюцца тэрміны парныя, аднатрывальныя, няпарныя і двухтывальныя дзеясловы (гл. Беларуская граматыка 1985, Беларуская мова 1994, Русская грамматика 1980, Шуба 1987).